

Естественно, в то время я и помыслить не мог, что со смертью отца в моем окружении произойдут какие-то заметные перемены. В большинстве подобных случаев, вероятно, этого и не случается. Большинство вдов остаются верны привычному укладу жизни. Однако я попал в совершенно новую среду. Родственники отца относились к нему довольно прохладно по причине религиозных разногласий; а друзья, которых он завел в своем кругу, не испытывали никакой потребности навещать его вдову. И в результате я окупился в атмосферу материнской семьи. Мать переехала в Лондон, поближе к своему брату, с которым до того я, кажется, не встречался.

Брат этот, Том Бонд Бишоп был известной фигурой в лондонских религиозных и филантропических кругах. Он занимал какой-то более или менее важный пост в таможенном управлении, но никаких честолюбивых планов в связи с государственной службой не лелеял. Все свое свободное время и силы он посвящал насаждению той непостижимо узколобой, невежественной и нетерпимой версии евангелизма, в которую веровал. Он основал «Детский библейский союз» и «Детскую миссию особого назначения»¹. Первая диктует детям, какие отрывки из Библии им следует читать в тот или иной день; вторая отрывает детей от игр на свежем воздухе и отдает их на растерзание благодным новообращенным или слюнвявым проповедникам. В пределах своих ограничений он проявлял острый ум и превосходные способности исполнителя и организатора. Маннинг² плюс фанатическая искренность; Коттон Мазер³ минус воображение; можно даже сказать, апостол Павел, лишенный способности к логическому рассуждению и взамен наделенный непробиваемой самоуверенностью. Он был неуязвим для сомнений; он *твердо знал*, что *всегда прав*.

Однажды я задал ему задачку. Два альпиниста идут в связке, и один из них упал. Второй не может его вытащить и тоже упадет, если не перережет веревку. Так что же ему делать? Мой дядюшка ответил: «Господь никогда не допустит, чтобы человек попал в такое положение!!!» Подобные сумасбродства низводили его умственно и нравственно на уровень домашней скотины, если не еще ниже. Он был рабом слепых и варварских порывов, кои принимал за предназначения Всемогущего.

«Со слезными железами крокодила он сочетал в себе сострадательность, сокрытую под толстой шкурой носорога; с подлостью и жестокостью евнуха в нем соединилась расчетливая алчность шотландского еврея, но без живости, присущей второму, и без присущего первому сочувственного воображения. Он был вероломен и лицемерен, как иезуит из протестантских побасенок, елеен, как сам Урия Гип⁴, а в остальном одержим всеми пороками Джозефа Серфеса и Тартюфа⁵; будучи, однако, лишен тех человеческих

¹ «Детская миссия особого назначения» — евангелическое движение, сформированное в 1867 году с целью распространения христианского учения среди детей и подростков. Том Бонд Бишоп был главным организатором и почетным секретарем миссии. «Детский библейский союз» — движение в рамках «Детской миссии», созданное в 1879 году; в основе его лежит система ежедневного чтения отрывков из Библии.

² Маннинг, Генри Эдвард (1808—1892) — англиканский священник, в 1851 году перешедший в католичество. С 1865 года — архиепископ Вестминстерский, с 1875 — кардинал. Основатель Католического университета в Кенсингтоне (Лондон). Решительный сторонник догмата о непогрешимости римского папы, автор ряда богословских сочинений.

³ Мазер, Коттон (1663—1728) — американский писатель, богослов, идеолог и историк американского пуританства.

⁴ Урия Гип — персонаж романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд», олицетворение подлости и угодничества.

⁵ Джозеф Серфес — персонаж комедии Ричарда Бринсли Шеридана «Школа злословия», Тартюф — персонаж одноименной комедии Мольера; оба олицетворяют самые отвратительные качества ханжей и святош.

слабостей, без коих эти недостатки существовать не могут, он был негодяй более добродетельный, а, стало быть, еще более гнусный.

Лицом подобный бритой обезьяне, а фигурую — колченогой таксе, он внушал отвращение с первого же взгляда. Но платье его, сшитое портным из Сити, придавало всему облику его столь гармоничную слаженность, что наблюдателю приходилось примириться с наблюдаемым феноменом.

Обладая непревзойденной хитростью, он умел внушить доверие речами; свой высокий гений он таил под маской посредственности, не имеющей себе равных, а мощь своего интеллекта — под личиною набожности. По вероисповеданию он был евангелист, сиречь такой нонкоформист, который не покидает лона церкви лишь потому, что лелеет надежду прибрать к рукам ее организацию и доходы.

Будучи из той же породы созданий непостижимого Провидения, что и Кут и Торри⁶, одного он превзошел в ханжестве, другого же — в фанатизме, хотя и считал шантаж делом чересчур рискованным, а клевету — тактической ошибкой». <Цитирую по некрологу, опубликованному прижизненно.>

Свет не выдывал более жестокого фанатика, более подлого негодяя. Мой отец, при всех своих заблуждениях, обладал человечностью и известной долей здравомыслия; он мыслил логически и никогда не смешивал духовные дела с материальными. Ему, в отличие от моего дяди, никогда не пришло бы в голову, что покрой и цвет «воскресных одеяний» хоть сколько-нибудь важны в глазах Божества. Однажды решив, что спасение достигается верой, а не поступками, он уже не мог придавать серьезного значения поступкам.

Воздерживаться от греха, по его мнению, имело смысл только для того, чтобы не выказать неблагодарности Спасителю. Если грешник погрязал во грехе по-настоящему глубоко, это расценивалось едва ли не как признак скорого выздоровления. Можно было надеяться, что он быстрее осознает собственную греховность, а это, в свою очередь, поможет ему почувствовать нужду в спасении. Кроме того, велика вероятность, что его поставит на колени материальное наказание все за тот же грех. А добрые дела грешника не стоят ни гроша. «И вся праведность наша — как запачканная одежда»⁷. Внушить человеку, будто в деле спасения он может полагаться на свой добрый нрав, — любимая проделка дьявола, о чем со всей очевидностью свидетельствует притча о мытаре и фарисее⁸.

Не знаю, нашел ли мой дядя Том какие-нибудь аргументы против этой теории, но на практике он чуть ли не до безумия страшился того, что представлялось ему грехом. Своими талантами — своей, я бы даже рискнул сказать, гениальностью <он изобрел оригинальнейший способ преподавания истории по картам, на которых каждая нация изображалась в виде реки, расширявшейся или сужавшейся по мере своего подъема или упадка; аннексии обозначались притоками, и т.д.>, — он завоевал себе огромный авторитет. Но в домашней обстановке это был безжалостный придирчивый тиран; и в такое-то логово тягостного рабства я был ввергнут, утратив вольный воздух свободы и все привилегии наследника.

Дядя Том жил в Лондоне, в районе, носившем тогда название Гистл-гроув. Позже это место переименовали в Дрейтон-гарденз, невзирая на дядино прошение, горячо поддержанное епископом; суть протеста состояла в том, что неподалеку находился публичный дом под названием «Дрейтон-армз». И это — характернейший пример дядиного мировоззрения. Такое у него было чувство юмора. Когда я называл его «дядей»,

⁶ *Торри*, Рубен Арчер (1856—1928) — американский евангелист, проповедник и писатель.

⁷ Ис. 64:6.

⁸ *Притча о мытаре и фарисее* — одна из притч Иисуса Христа (Лк. 18:10—14): «...два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошёл оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится».

он обычно хихикал в ответ: «О, мои прозренья! Мой дядя?» Но настало время, когда я выучил почти всего «Гамлета» наизусть, и когда он в очередной раз повторил свою «шутку», я продолжил цитату, сурово произнеся: «Да. Кровосмеситель и прелюбодей»⁹. Отчасти мне даже приятно думать, что под конец его долгой и непотребной жизни мы с ним примирились. В самом последнем письме, которое он получил от меня, я признал, пускай и с неохотой, что ум его слишком извращен, а потому дядя Том просто не может постичь всю глубину своей порочности. Полагаю, ему стало стыдно. По крайней мере, ответа на это письмо я не получил.

На мой взгляд, имение в Тистл-гроув было настолько близко к некой безликой «середине», насколько это вообще можно себе представить. Описанию оно не поддается. Определить, к какому слою среднего класса принадлежит его владелец, было невозможно. Одним словом, дому этому недоставало индивидуальности даже для того, чтобы зачислить его хоть в какую-нибудь категорию.

Бабушка моя была очаровательной старушкой. Она носила черные шелка и кружевной чепец и держалась с невыразимым достоинством. Ее привезли из деревни, как того потребовало положение дяди на государственной службе. Бабушка была милой и славной; за все время я ни разу не слышал от нее худого слова. Она была привержена постыдному пороку игры в безик. Разумеется, в доме, где частыми гостями были светила евангелической веры, не полагалось держать карты, эти «дьявольские картинки». Но тетя Ада нарисовала специальную колоду карт, где масти обозначались розами, фиалками и так далее. Игра осталась прежней, но камуфляж успокоил дядину совесть. Ни один фарисей на свете не следил за соблюдением приличий так рьяно, как дядя Том. Бабушка была второй женой дедушки. Из его детей от первого брака выжили двое — Энн и Джон. Энн, дородная и чувственная старая дева, внушала мне ужасное физическое отвращение: она вся блестела и лоснилась от жира, у нее был пухлый нос и толстые влажные губы. Каждый вечер она брала под мышку бутылку крепкого портера и прихватывала ее с собой в постель, неизменно добавляя: «Мой младенчик!» Такая у нее была шутка. По сей день я инстинктивно ухитряюсь не замечать портер, даже когда его пьют со мной за одним столом.

Джон много лет прожил в Австралии в свое удовольствие, наслаждаясь достатком и всяческими гражданскими почестями. Но когда здоровье его пошатнулось, конец пришел и достатку, и Джон вернулся в Англию, в лоно семьи. Это был классический образец закаленного вольнолюбца со всей подобающей такому типу людей колониальной свободой в мыслях, речах и манерах. Нетрудно представить, как досаждало ему навязчивое благонаравие единокровного брата. Даже курить трубку ему теперь приходилось украдкой; и в конце концов его так застрашали погибелью души, что разум его не устоял. На семейных сборищах за него постоянно молились, подробнейшим образом описывая при этом его личность, чтобы Господь неровен час не перепутал. Примерно так же звучало бы описание среднестатистического убийцы в устах особо придирчивого пацифиста.

Тем, какие у меня с ним сложились отношения, я откровенно горжусь. Не любить этого бесхитростного и добродушного человека было просто невозможно. Припоминаю, как однажды, во время прогулки по Стритему¹⁰, уже после того, как они с бабушкой переехали жить к нам, я пытался его подбодрить. Весь дрожа и едва не плача, он втолковывал мне: «Боюсь, я не во всем согласен с Христом». Я отреагировал совершенно невероятным образом. Меня словно подменили: можно ли было ожидать от крайне застенчивого мальчика, которому еще не исполнилось и шестнадцати, такой резкой и уверенной властности? Я сказал ему без обиняков, что все это полная чушь, что Христа просто-напросто выдумали и никаких грехов не бывает, а ему, Джону, следовало бы благодарить свою счастливую звезду за то, что до недавних пор ему не приходилось иметь

⁹ У. Шекспир, «Гамлет», акт I, сцена 5, рус. пер. Б. Пастернака.

¹⁰ *Стритем* — район в южной части Лондона.

дела со всей этой лицемерной шайкой трусливых рабов, верящих в подобные бредни. Должно быть, подсознание уже напевало мне в уши грандиозную кульминацию браунинговской речи Ренана:

О, черед наследья рокового,
Борцы за скипетр мерзости и зла,
Клянущие предтеч недобрым словом,
Едва венец коснется их чела!¹¹

Однако Джону это не помогло: он впал в меланхолическое помешательство и умер. Помню, что в письме по этому поводу я обвинил мать и дядю в «убийстве, которое в лучшем случае можно назвать гнуснейшим, а по чести говоря — самым отвратительным, ненормальным и противоестественным».

Этот эпизод интересен тем, что моя реакция на него, как вскоре станет ясно, кажется несовместимой с общим моим духовным настроением того периода.

Тетя Ада нравилась мне от всей души. Она была женственна в старомодном смысле этого слова — как образец чистой пассивности. Правда, при всех своих природных дарованиях она оставалась невежественной ханжой. Учитывая все обстоятельства, иначе и быть не могло. Однако ее убеждения никоим образом не мешали ей быть милосерднейшим созданием, исполненным безграничной доброты. Здоровье у нее было от природы хрупкое. Она страдала ревматизмом; один из приступов дал осложнение на сердце, и она умерла слишком рано. Всею виной, опять же, дядя Том со своей скарденностью и эгоизмом. Он поскупился нанять секретаря и заставил тетю Аду батрачить на свой Библейский союз, чем и доконал ее.

Расскажу одну забавную историю, которая поможет представить мою юную персону в довольно любопытном свете и в то же время покажет, что тетя Ада, помимо прочих своих достоинств, обладала чувством юмора. Несколькими годами раньше, проходя с отцом по платформе в Редхилле, я увидел в киоске книгу леди Флоренс Дикси «Через Патагонию»¹². Это длинное слово так меня пленило, что я упросил отца купить книгу, а затем решил провозгласить себя королем Патагонии. Психологикам приятно будет узнать, что моя столица называлась «Маргарастагрегорстроияка». «Маргар» я взял от имени Маргариты, супруги Генриха VI¹³, которая была самым моим любимым историческим персонажем. Это весьма примечательно, поскольку именно такой тип женщин всегда вызывал у меня восхищение. Женщина должна быть коварной, независимой, отважной, честолюбивой и так далее. Что такое «рагстаг», я не знаю; скорее всего, эти слоги я вставил просто для благозвучия. «Грегор» — это, разумеется, мой кузен; «стори» — это «история», мое любимое развлечение в тот период. Откуда взялось окончание «яка», тоже непонятно, но, опять-таки, вероятнее всего я исходил из соображений благозвучия.

Понятия не имею, почему уже тогда, в столь раннем возрасте, я исполнился глубочайшего отвращения и презрения к королеве Виктории. Возможно, все объясняется инстинктивной детской чистотой и порядочностью. В один прекрасный день я объявил королеве Виктории войну и выразил намерение выступить против нее во главе своей патагонской армии. Вскоре тетя Ада повела меня на чай к нашим знакомым, Гантерам, где мне вручили очень важный на вид официальный документ. Это был ответ королевы Виктории.

¹¹ Завершающие слова из речи Ренана в стихотворении «Эпилог» Роберта Браунинга (из сборника «Действующие лица», 1864).

¹² Дикси, Флорен Кэролайн (1855—1905) — британская путешественница, писательница и феминистка; в книге «Через Патагонию» (1880) описала впечатления от собственного путешествия по Южной Африке.

¹³ Маргарита Анжуйская (1429—1482) — королева Англии (с 1445 года), супруга английского короля Генриха VI (1421—1471). Известна своим властным характером и активным участием в политической жизни страны.

Мою столицу она обещала разнести в клочья, а лично ко мне обращалась в весьма нелицеприятной манере. Документ был скреплен биркой с якорем (очевидно, призванным обозначать военно-морскую мощь Британии), которая прежде украшала моток пряжи. Я принял все за чистую монету и ужасно перепугался.

Царившие в дядином доме грязь и ветхость, абсолютная мертвенность и атмосфера сурового недовольства мирозданием в целом вселили в меня ненависть к материнской семье. Дело осложнялось тем, что мать после смерти отца стала гораздо фанатичнее и, при всей любви к своим родственникам, не могла не подвергать сомнению их шансы на спасение души. Постичь это в столь нежном возрасте я, естественно, не мог, и в результате вопросы религии вообще стали вызывать у меня капризное раздражение. Тетя Ада была любимой сестрой моей матери; однако на ее похоронах мать отказалась войти в церковь и ждала, пока ее отпоют, на улице, под дождем. Но после того как гроб с телом вынесли наружу из «проклятых врат», она вновь присоединилась к погребальной процессии и спокойно стояла над могилой, пока священник читал последние молитвы. Можно подумать, протест у нее вызывала только архитектурная «мерзость пред Господом».

Впрочем, критике подвергалась и литургия, против которой выдвигались самые разнообразие аргументы. Как ни удивительно, плимутские братья считали чтение «Отче наш» «бесполезным языческим бормотанием». Невероятно, но факт: молитва эта была запрещена! Считалось, что Иисус привел ее лишь как условный пример подобающей молитвы и что каждый должен молиться по-своему.

Ситуация эта разрешилась очень забавно. Я дошел до того, что заявил: «Мы будем счастливы, творя лишь Зло!»¹⁴ — и принялся ломать голову над тем, какие бы по-настоящему мерзкие прегрешения мне совершить. Одним воскресным утром, в минуту отчаянной дерзости, я прокрался в стритемскую церковь, куда часто ходил на литургию дядя Том, и собрался было как-нибудь осквернить ее. Но меня ожидало горькое разочарование. Я так и не придумал ничего, что могло бы навлечь на меня вечное проклятие.

После смерти отца моя мать год или два не находила себе покоя и никак не могла обосноваться на одном месте. На праздники мы навещали Бишопов или скитались по разным гостиницам и водолечебницам. По-моему, мать боялась, что Лондон дурно на меня повлияет; но когда дядя переехал в Стритем, она все же решила арендовать дом на Полворт-роуд. Я этот дом терпеть не мог, потому что он был меньше окрестных зданий. Никак не могу понять — то ли я самый ужасный сноб на свете, то ли я не сноб вообще. По-моему, вся штука в том, что я не принимаю ничего такого, что не было бы самым лучшим в своем роде. Я готов спокойно обойтись без той или иной вещи, но уж если эта вещь оказалась в моем распоряжении, то она непременно должна быть первоклассной. Англия — совершенно неподходящее для меня место. Я не выношу людей, стоящих выше или ниже других в общественной иерархии: для меня приемлемы только такие люди, которые сознают свою уникальность и совершенство вне зависимости от того, какое они занимают положение в обществе. На Востоке, в особенности среди магометан, можно запросто дружить даже с кули¹⁵: они уважают и себя, и окружающих. Они — джентльмены. Но в Англии дух независимости встречается редко. Даже высокопоставленные люди здесь почти всегда остро сознают свою зависимость от окружающих. Снобизм в этом смысле слова настолько распространен здесь, что почувствовать себя свободно мне удастся очень редко (разве что рядом с такими непревзойденными гениями, как Огастес Джон¹⁶).

¹⁴ «Мы будем счастливы, творя лишь Зло!» — слова Сатаны из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (I, 108), рус. пер. А. Штейнберга.

¹⁵ Кули (хинди букв. «работник») — наемные работники из азиатских колоний.

¹⁶ Огастес Джон — см. примеч. &.

Типичный пример — Обри Тенкерей. Он изо всех сил старается не упасть в глазах своей паствы, и чтобы избежать унижения, переезжает из одного прихода в другой. Когда Пола спрашивает его: «Неужели тебя волнует, что подумают слуги?», — он отвечает: «Разумеется»¹⁷. Беспокоиться о том, что подумают о твоих поступках окружающие, — это все равно, что зарыться с головой в муравьиную кучу или жениться на амбициозной скрипачке. Премьер-министр, отказывающийся от своих убеждений, чтобы набрать побольше голосов, или буржуа, опасющийся каким-нибудь безобидным поступком попортить ту или иную дурацкую условность, — это ничтожные, зависимые люди, и по мне так лучше всю жизнь питаться консервированным лососем, чем иметь с ними дело. Разумеется, всем нам до некоторой степени приходится приспосабливаться к окружающей среде, однако не нужно попусту тратить силы, устраивая генеральное сражение за деревушку, которая не стоит даже легкой перестрелки. Конечно, одеваться по-человечески и соблюдать прочие общепринятые условности откажется только последний чудак. Но в том, что для нас по-настоящему важно, мы должны быть искренни и прямодушны, как древние римляне. Я до сих пор так и не решил для себя, до какой степени допустимо прибегать к хитростям и дипломатическим уловкам, когда возникает необходимость отстоять свою точку зрения. Сколько великих людей в таких ситуациях отважно высказывали свое мнение, невзирая на последствия! Брэдлаф и Бёртон¹⁸ не побоялись держаться открыто — и в конце концов победили. Мне не по душе чрезмерная изощренность кампании Гексли против Гладстона¹⁹. А еще мне вспоминается Суинберн²⁰: стоило ему сделаться уважаемым, как он сразу же умер. Адаптация к окружающей среде помогает кое-как выживать; но поистине великую победу одерживает только тот, кому удастся доказать, что он стоит на ногах тверже окружающих и никакими силами его не сломить. Все истинные творцы истории — мученики.

Подозреваю, что все мы слишком часто испытываем то особое чувство, которое Фрейд называет «эдиповым комплексом». Всем нам хочется покоя; все мы желаем жить в мире со своими ближними. Мы любим своих ближних, но они нас не понимают, и наша любовь остается без ответа. Нам хочется прийти к согласию с другими людьми, хочется пойти на уступки и сдаться без борьбы. Я и сам неоднократно решался было вступить на путь приспособленчества и старательно к этому готовился, но всякий раз меня что-то останавливало. Всякий раз выяснялось, что я просто не способен совершить этот окончательный и бесповоротный шаг. Я не в силах творить зло в надежде, что оно обернется благом. Я ненавижу иезуитство. По мне, лучше проиграть, чем прибегнуть к военной хитрости. Самое большее, чего мне удавалось от себя добиться, — это излагать

¹⁷ *Обри Тенкерей* и *Пола Рэй* — персонажи пьесы английского драматурга Артура Уинга Пинера (1855—1934) «Вторая миссис Тенкерей» (1893).

¹⁸ *Брэдлаф*, Чарльз (1833—1891) — политический активист, журналист, один из самых известных английских атеистов XIX века. С 1958 года возглавлял Лондонское светское общество. В 1866-м основал Национальное светское общество, в рамках деятельности которого тесно сотрудничал с Анни Безант, будущей главой Теософского общества. *Бёртон* — см. примеч. &.

¹⁹ *Гексли*, Томас Генри (1825—1895) — английский биолог, убежденный сторонник и защитник дарвиновской теории эволюции (в связи с чем получил прозвище «Бульдог Дарвина»). Ввел в общее употребление термин «агностик», используя его для описания своих теологических воззрений. Вел в печати ожесточенные дебаты по вопросам религии со многими противниками его убеждений и, в частности, с Уильямом Юартом *Гладстоном* (1809—1898), британским политиком и государственным деятелем, в период с 1868 по 1894 четырежды занимавшим пост премьер-министра. В конце 80-х годов полемика достигла такого накала и углубилась в такие богословские тонкости, что критики стали посмеиваться над спорщиками, замечая, что мистеру Гладстону и профессору Гексли в их почтенном возрасте стоило бы найти занятие посерьезнее.

²⁰ *Суинберн*, Чарльз Эдджернон (1837—1909) — английский поэт, драматург, романист и критик, на протяжении многих лет бунтовавший против общественных условностей своего времени. Страдал от алкоголизма, в связи с чем его друг, Теодор Уоттс-Дункан, в 1879 году официально взял его под опеку. Постепенно здоровье Суинберна улучшилось, а поведение действительно стало более «уважительным». Умер он далеко не сразу, но поэтический талант его, по мнению критиков, начал угасать.

свои принципы в такой форме, в которой они не навлекут на себя немедленный гнев подозрительных посредственностей. Но потребность творить свою волю во мне настолько сильна, что я не смогу удержаться от изложения своих духовных и нравственных принципов (единственных составляющих моего «я», с которыми я способен отождествиться), даже если мне доведется писать, например, о Шекспире или о стеклянной гармонике.

Эту особенность я, несомненно, унаследовал от отца. Он был человеком абсолютно честным и цельным. Он жил только своими теологическими убеждениями. Он не сомневался, что Второе Пришествие может случиться в любой момент. «Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого»²¹. И тогда придется дать ответ «за всякое праздное слово»²². Отцу страшно было подумать, что Второе Пришествие может застать его в такой момент, когда он не будет активно и напряженно занят работой, ради которой Господь послал его в этот мир. И это чувство значимости всякого, даже самого пустякового поступка, чувство ценности каждого мгновения стало играть прискорбно важную роль и в моей жизни. Мне всегда было жалко тратить время на еду, сон и одевание. Я изобретал такие костюмы, которые отнимали бы поменьше времени <в 1900 году в Мехико Эккенштейн²³ посоветовал мне надевать чулки, повернув их пятками вперед. Он считал, что так их легче натягивать. Я отказался, сочтя это лишней тратой времени. Мы долго препирались по этому поводу, и Эккенштейн меня переспорил, но так и не переубедил> и не требовали бы к себе особого внимания. Я никогда не ношу нижнего белья. В основе так называемого мужского и женского «магнетизма» лежит не что иное, как запах пота. У здорового человека пот скудный и пахнет очень приятно. Если с потом что-то не так, нужно немедленно принять меры: скверный запах или слишком обильное потение — самый верный признак того, что ваше здоровье пошатнулось.

Возвращаясь к качеству, доставшемуся мне в наследство от отца, упомяну, что оно сыграло очень важную роль в моей школьной жизни. Я инстинктивно чувствовал, что академические знания как таковые мне не понадобятся; но выбора у меня не было, и я понял, что единственный способ избавиться от помех — это проявлять себя на занятиях и на экзаменах с лучшей стороны. Я не гнался за успехами и похвалами, но неизменно старался усвоить необходимые знания, прикладывая к этому минимум усилий. И благодаря врожденным талантам (в первую очередь, хорошей памяти) это давалось мне без труда. Довольно скоро я обнаружил, что умение выделиться на фоне одноклассников в чем-то сродни трюкам фокусника. Досконально проанализировать и объяснить, в чем заключался мой метод, слишком сложно; но суть его, как мне представляется, сводилась к тому, чтобы вытвердить назубок необходимый минимум, а сверх того рассмотреть одну-две сложных проблемы, которые затем я упоминал в беседе с учителем или в ответе на экзамене, благодаря чему создавалось впечатление, что я подготовился необыкновенно тщательно.

Я отдаю себе отчет, что это признание выглядит довольно странным в свете моих предыдущих рассуждений о честности. Но оправданием мне служит то, что школьных учителей я считал докучливыми и потенциально опасными попрошайками. Возможности бороться с ними я не имел; хорошего шестипенсовика у меня не было; поэтому я откупался от них фальшивой монетой. Они сами виноваты — нечего было мне досаждать!

© Перевод: Анна Блейз
www.oto.ru

²¹ Мф. 24:27.

²² Ср. Мф. 12:36: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда».

²³ *Эккенштейн* — см. примеч. &.